

есть магический театр со множеством зеркал, который дает ему возможность оценить себя, свою многоликость и неоднозначность. Тип «самоубийцы» Гарри Галлер находит выход из кризисной ситуации: именно осознание своей дуальности, а затем и многоликости примиряет его с окружающим миром и сохраняет жизнь.

УДК 130.2

МАСКА И ЕЕ МЕСТО В ТРИАДЕ «ЛИК-ЛИЦО-ЛИЧИНА»

С.И. Сероштан
Харьков, Украина

Слово «маска», как утверждают лингвисты, в русском языке заимствованное. Русское слово «маска» восходит к латинскому «*maskus*», что в переводе означает «личина». В рамках «христианского мира» маска была чуждой, так как это был в первую очередь атрибут язычника. В древнерусских памятниках ряженье и маски назывались либо терминами, заимствованными из соответствующих писаний «отцов» римско-византийской церкви, осуждавших ношение масок («масколудство», «луды» – от лат. *ludere* – играть; *ludius* – актер, танцор; «скураты» – от лат. *scurra* – балагур, шут), либо славянскими понятиями. Так, в рукописной «Кормчей» XIII в. маски – «личины», «наличники», «обличья», в «Стоглаве» встречаются описательные названия: «лица косматые, козии, сатирские». В народе маски назывались «харями», «рожами», «личинами».

Особый интерес в связи с определением сущности маски представляет учение П.А. Флоренского. Флоренский выделяет три уровня явления абсолютного в эмпирической личности: лик, лицо и личину. Понятие лика выражает онтологическую проявленность; лицо – индивидуализированное эмпирическое; личина – полная противоположность лику, блокирующая явление абсолютного.

«Лицо, – определял Флоренский, – есть то, что мы видим при дневном свете, то, чем являются нам реальности здешнего мира... Можно сказать, лицо есть почти синоним слова *явление*» [2, с.356]. Поэтому портрет – это не онтология, а эпистемология лица. Художник выявляет схему, под которую он подводит данное лицо. Известно, что труднее всего писать как раз детские лица, ибо не ясно какую схему на них можно наложить. Действительно, лицо – сложная смесь объективного и субъективного, естественного и искусственного. Оно в значительной степени является продуктом природы. На биологическое лицо накладывает свой отпечаток культура. Даже если отвлечься от намеренной стилизации, то очевидно, что образ жизни накладывает на него свою печать: лицо ребенка или юноши отличается от лица взрослого и тем более старого человека.

Подлинным знаком бытия П. Флоренский считает *лик*. В обычном словоупотреблении лик означает лицо, освобожденное от случайных примесей возраста, пороков, болезней. Если мы говорим: лицо человека, то нас могут спросить, про какое конкретное лицо мы говорим (молодое, старое, красивое и т.д.). Но если мы скажем – лик человека, – то этим выразим нечто, ему вечно присущее. То есть лик есть истинное существо лица. Идея «лика» у Флоренс-

кого воплощает христианское представление о человеке. Лик – это онтологический дар Бога, по образу которого лик воплощается в лице. В отличие от портрета, который строится художником по культурно-художественным, характерологическим канонам, лицо как подобие Божие, лицо, ставшее ликом, выражает глубочайшее задание человека. Лик соответствует греческой идее – явлению духовной сущности, вечного смысла, пренебесной красоты. Христос для П. Флоренского – «Лик ликов», «Абсолютное Лицо». Хрестоматийной является легенда о том, что Лука пробовал писать Христа на площади, среди толпы учеников и слушающих его речь. Живописец старательно передавал каждую черточку его лица, но ничего не выходило. Он приходил на улицу несколько раз, меняя и исправляя работу. А лицо каждый раз получалось другое. Однажды Христос пришел к Луке в дом и объяснил ему причину его неудачи. Он умыл лицо от всякого праха и когда приложил к нему полотенце, то на ткани оказался отпечаток лика в его существенных чертах.

Таким образом, каноническая формула облечения Бога в естество человека раздвоена у Флоренского на «образ Божий» (Лицо, правда Божья, онтологический Дар) и «подобие Божье» (Лик, правда смысла, правда ипостаси, возможность). Лицо как явление, сырая натура, эмпирия противостоит Лику как сущности, первообразу, эйдосу.

Полную противоположность лику составляет *личина*. Первоначальное значение этого слова есть маска, «ларва», т.е. «нечто подобное лицу, похожее на лицо, выдающее себя за лицо и принимаемое за таковое, но пустое как в смысле физической вещественности, так и в смысле метафизической субстанциональности» [1, с. 434]. Слово *larva* означало у римлян астральный труп, «пустое» – *inanis*, безсубстанциональное клише, оставшееся от умершего. Пустота, свойственная маске всегда считалась признаком злой нечисти, которая обладает лже-телами, пустыми оболочками, которые способны *прельщать* людей своим обманчивым видом. Вот почему в народных сказках многих народов признают нечистую силу пустою внутри, «лже-телами» и, следовательно, «лже-существами». Маска как нечто выдающее себя за лицо, но пустое как в физическом, так и в духовном смысле, всегда рассматривалась христианской церковью негативно, так как маска вместо того, чтобы «открывать нам образ Божий, не только ничего не дает в этом направлении, но и обманывает нас, лживо указывая на несуществующее» [1, с. 435]. Поэтому прикосновение к маске, ее ношение считалось оскверняющим, отсюда и строгие церковные запреты против личин и ряжения. Церковные авторитеты утверждали, что ряженные, теряя образ человеческий, созданный по подобию Божию, и приобретая жуткие демонические черты представителей потустороннего мира, совершают святотатство, требующее искупления.

Флоренский характеризует маску как некую оболочку, симулякр, но пустота ее обратной стороны на самом деле кажущаяся. Маска, личина – основной элемент языческой культуры. В каком-то смысле, она и выполняла на ранних стадиях развития культуры важную символическую роль, служила знаком высших сил. Но в отличие от знаков личины, которыми манипулируют люди, представляющие себя другим, первобытная маска является знаком самого бытия, содержащим и хранящим его энергию. Она имела сакральный смысл.

По мере того как грех овладевает человеком, его лицо перестает быть окном, откуда сияет свет Божий, и превращается в каменную маску. Напротив, подвижничество, духовное восхождение изгоняет тьму и просветляет лицо, которое становится не просто художественным, а идеальным портретом. «Подвижник, – писал Флоренский, – не словами своими, а самим собой ... свидетель-

ствуєт и докaзывает истину... Это свидетельство написано на лице подвижника» [2, с. 361]. В Библии всячески подчеркивается световой характер преображения лица в лик, который напоминает диск солнца. Флоренский понимает преображение не как новое рождение, изменение, а как духовное просветление и очищение, преобразующее эмпирическое тело.

Таким образом, постигая сущности в «лике», человек обязан преодолеть в себе тягостные пути конкретного «лица» и осуществить на деле предназначенное: дать сущности в их явлениях. Через человека и только через него одного, божественные сущности жизни могут стать явлениями жития. Лик как прообраз, преображенный «лицом», явлен в личине, которая становится именно символом, поскольку за наличностью лица скрывает божественный лик сущности. Человек же есть символ, так как в нем есть знак иного, и он есть знак иного.

Список литературы

1. Флоренский П.А. Иконостас // Сочинения: В 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Грубачева). – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 419–527.
2. Флоренский П.А. Имена: Сочинения. – М.: 1998.

УДК 17.0

ФІЛОСОФІЯ НАРАТИВУ ТА ПРОБЛЕМА ІДЕНТИЧНОСТІ

Т.В. Подольська
Харків, Україна

Загальновідомо, що в перекладі з англійської наратив означає розповідь, оповідання. Але звертаючись до більш ґрунтовних дефініцій цього поняття, дамо декілька визначень, посилаючись на різні джерела. Новітній філософський словник дає таке визначення: «наратив – поняття філософії постмодерну, яке фіксує процесуальність самоздійснення як засіб буття тексту» [3, с. 473]. Нагадаємо, що появою цього терміну в філософії ми зобов'язані історіографії, де він виникає в межах «наративної історії», яка тлумачить зміст історичної події не як зумовлений об'єктивною закономірністю історичного процесу, але як той, що виникає у контексті розповіді про подію та іманентно пов'язаний з інтерпретацією. Виходячи з цього, текст в постмодернізмі не розглядається з точки зору презентації в ньому початкового об'єктивно наявного змісту, тобто має місце руйнування, за Деррідою, онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризму тексту. Дійсна свобода реалізує себе у постмодернізмі завдяки наративним практикам. Разом з Гадамером констатуємо, що все, що є людським, має бути висловлено [там саме].

Існує також тлумачення нашого визначального поняття в межах лінгвістичної традиції. В цьому контексті можна говорити також про близький термін «дискурс».

Й.Брокмейер та Р.Харре пропонують таке розуміння наративу: «наратив – це ім'я якогось ансамблю лінгвістичних та психологічних структур, які передаються культурно-історичним шляхом та обмежені рівнем майстерності кожного індивіда та сумішшю його або її соціально-комунікативних здатностей з